

Научная статья / Research Article

УДК 902.3(575.1)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-11)

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В БАСЕЙНЕ РЕКИ СУРХАНДАРЬЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Юньпэн Тан¹, Амридин Эргашович Бердимуратов²,
Мутталиб Хасанов³, Цзяньсинь Ван^{4*}

¹Северо-Западный университет, Сиань, Китай;
yunpengt922@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0420-441X>

²Институт археологии им. Я. Гулямова АН Узбекистана, Самарканд, Узбекистан;
1539059758@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1122-4080>

³Институт археологии им. Я. Гулямова АН Узбекистана, Самарканд, Узбекистан;
khasanov.mutalib@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7737-0307>

⁴Северо-Западный университет, Сиань, Китай;
13319185059@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-5556-0553>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Археологические раскопки в бассейне р. Сурхандарья показывают, что кочевые захоронения некрополя Рабат, расположенные в предгорных холмистых районах Северной Бактрии, относятся ко 2-й половине I в. до н.э. — 1-й половине II в. н.э. Вероятно, это памятник больших юэчжей. Наземные погребения в склепах типа paus, относящиеся к этому же периоду, найдены на руинах городища, вблизи равнинной части долины Сурхандарьи, вероятнее всего, принадлежат юэчжам до образования Кушанской империи. Два типа могил, отличающихся по своей форме и погребальному обряду, зоне размещения и т.д., лишь подтверждают тот факт, что большие юэджи и кушаны эпохи Империи — это не совсем совпадающие этнические группы. Открытие Серхараката, Чинартепа и других некрополей в верховьях реки Сурхандарья подтверждает наши предположения о закономерностях распространения древних памятников и дополнительно выявляет многообразие культурных групп периода от доимперских юэчжей до Кушанской империи.

Ключевые слова: бассейн реки Сурхандарья; погребения I в. до н.э. — II в. н.э.; большие юэджи; кушаны, южный Узбекистан

Благодарности: Научная статья включена в список промежуточных достижений «Национальной программы плана НИОКР (2016YFE02037000)». Авторы признательны доктору Дилдоре Рахимовой из Института Ближнего Востока Северо-Западного университета (Китай) за перевод с китайского языка на русский. Доктор Мэй Цилин (Школа иностранных языков, Северо-Западный университет) вычитал полный текст.

Для цитирования: Тан Юньпэн, Бердимуратов А. Э., Хасанов М., Ван Цзяньсинь. Основные результаты археологических работ в бассейне реки Сурхандарья в Узбекистане // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 191–214. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-11)

MAIN RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL WORK IN THE SURKHANDARYA RIVER BASIN IN UZBEKISTAN

Yunpeng Tan¹, Amridin E. Berdimuradov²,
Muttalib Khasanov³, Jianxin Wang^{4*}

¹Northwestern University, Xi'an, China;

yunpengt922@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0420-441X>

²Institute of Archaeology, Uzbekistan Academy of Sciences, Samarkand, Uzbekistan;

1539059758@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1122-4080>

³Institute of Archaeology, Uzbekistan Academy of Sciences, Samarkand, Uzbekistan;

khasanov.muttalib@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7737-0307>

⁴Northwestern University, Xi'an, China;

13319185059@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-5556-0553>

*Corresponding Author

Abstract. Archaeological excavations in the Surkhandarya River Basin show that the nomadic graves of the Rabat necropolis located in the foothill hilly areas of Northern Bactria belong to the second half of the 1st c. BCE — the first half of the 2nd c. CE. This is probably a site of the great Yuezhi. Above-ground burials in naus-type crypts dating from the same period were found on the ruins of the settlement, near the flat part of the Surkhandarya valley, most likely belong to the Yuezhi before the formation of the Kushan Empire. The two types of graves, differing in their form and burial rite, location area, etc., only confirm the fact that the Great Yuezhi and Kushans of the Imperial era are not exactly the same ethnic groups. The discovery of Serkharakat, Chinartep and other necropolises in the upper reaches of the Surkhandarya River confirmed our assumptions about the patterns of distribution of ancient monuments and additionally reveals the diversity of cultural groups of the period from the pre-imperial Yuezhi to the Kushan Empire.

Key words: Surkhandarya Basin; burials of the 1st c. BCE — 2nd c. CE; Da Yuezhi; Kushans; South Uzbekistan

Acknowledgements: this research paper is included in the list of interim achievements of the “National R&D Plan Programme (2016YFE02037000)”; the authors are grateful to Dr. Dildora Rahimova of the Institute of Middle East Studies, Northwestern University (China) for translation from Chinese into Russian; Dr Mei Jilin (School of Foreign Languages, Northwestern University) proofread the full text.

For citation: Tan Yu., Berdimuradov A. E., Khasanov M., Wang J. Main Results of Archaeological Work in the Surkhandarya River Basin in Uzbekistan. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):191–214. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-11](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-11)

Введение

Река Сурхандарья — один из основных притоков Амударьи в Средней Азии. Она с севера на юг протекает через территорию нынешнего Таджикистана и Сурхандарьинской области Узбекистана, а присоединяется к р. Амударье вблизи города Термез в Узбекистане (рис. 1).

Согласно греко-римским источникам северная часть реки Амударья, территория бассейна реки Сурхандарья, включающая современную южную часть гор Западного Тяньшаня на юге Узбекистана и Таджикистана, относится к землям северной Бактрии. Во II–I тыс. до н.э. там известны памятники сапаллинской культуры (Аскаров, 1973)

и вахшской культуры (Литвинский, 1964), относящиеся к бронзовому веку, а также более поздние памятники раннего железного века язской культуры (Массон, 1959).

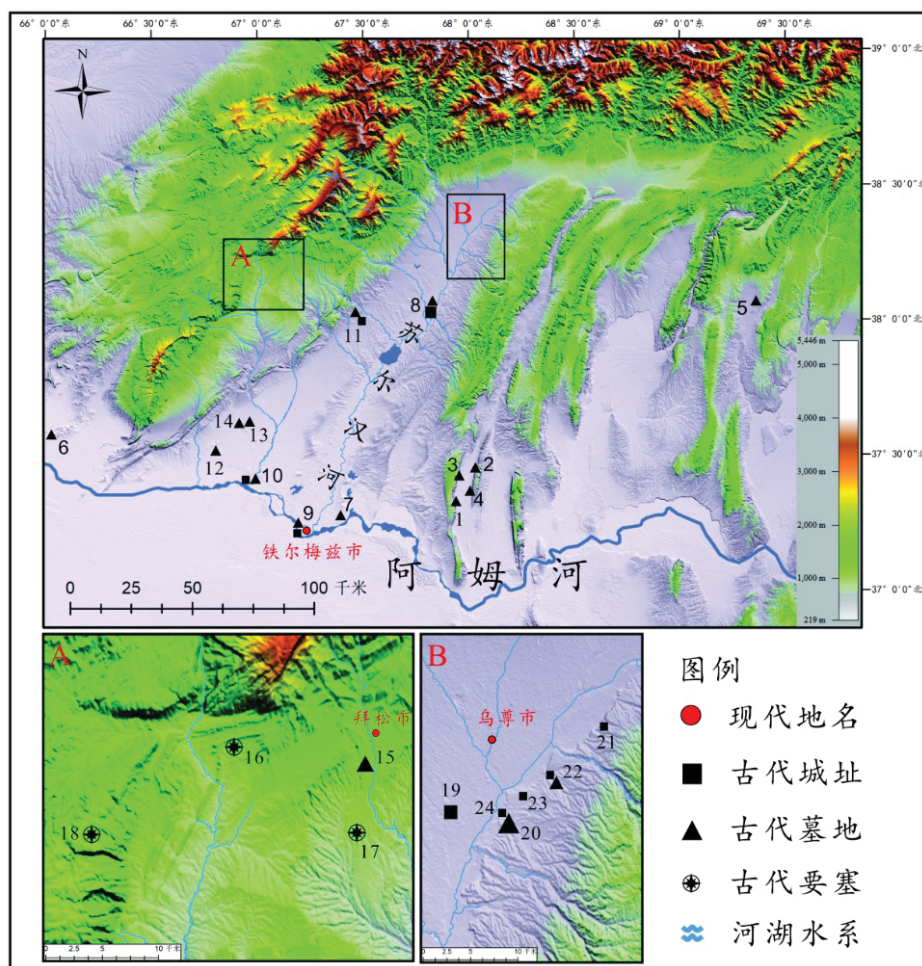

Рис. 1. Рельеф бассейна реки Сурхандарья и карта распространения памятников: 1 – Турлхар; 2 – Аруктау; 3 – Коккум; 4 – Бешкент №4–7; 5 – Ксиров; 6 – Бабашов; 7 – Айртам; 8 – Дальверзинтепа; 9 – Старый Термез; 10 – Кампыртепа; 11 – Ялангтуштепа; 12 – Сапаллитепа; 13 – Джаркутан; 14 – Бустан; 15 – Рабат; 16 – Шурабсай; 17 – Курганзол; 18 – Узундара; 19 – Халчаян; 20 – Серхаракат; 21 – Тишктепа; 22 – Чинартепа; 23 – Кургантепа; 24 – Караильтепа

Fig. 1. Landforms of the Surhan Darya Basin and distribution map of related sites: 1 – Turlhar; 2 – Aруктау; 3 – Kokkum; 4 – Beshkent IV – VII; 5 – Ksirov; 6 – Babashov; 7 – Ayrтам; 8 – Dalverzin Tеpa; 9 – Old Termez; 10 – Kampyr Tеpa; 11 – YalangtushTеpa; 12 – Sapallitepa; 13 – Dzharкutan; 14 – Bustan; 15 – Rabat; 16 – Shurabsay; 17 – Kurganzol; 18 – Uzundara; 19 – Khalchayan; 20 – Serkharakat; 21 – Tishktepa; 22 – Chinartepa; 23 – Kurgantepa; 24 – Karayltepa

В VI в. до н.э. династия Ахеменидов включила этот регион в состав своей империи. В 329 г. до н.э. Александр Македонский совершил восточный поход и включил регион в эллинистический мир. После смерти Александра господство над данной территорией досталось династии Селевкидов и затем Греко-Бактрийскому царству. Около 130 г. до н.э. наступление с севера кочевых племен привело к полному разрушению Греко-Бактрийского царства, и начался период правления больших юэчжей.

Около середины I в. н.э. под предводительством главы княжества Кушан Бактрия была объединена династией Кушан. К началу II в. н.э. после длительной экспансии была образована Кушанская империя, земли которой простирались от бассейна р. Амударьи до р. Ганг. Кушанское царство стало одной из четырех крупных империй на Евразийском континенте, оно стояло в одном ряду с такими крупными империями, как Хань, Рим и Парфия.

Исторические записи об эллинистическом периоде и Кушанской империи в Бактрии отражены в греко-римских и китайских источниках. В первых очень мало говорится о распаде Греко-Бактрийского царства до установления господства Кушан (период со 2-й половины II в. до н.э. до середины I в. н.э.), западные ученые называют этот период «темными веками» (Еноки, Кошеленко, Хайдари, 1994).

В «Исторических записках» Сыма Цяня в разделе «Повествование о Давани» говорится: «Большой юэчжи находится на запад от Даюани, напрямую в двух-трех тысячах ли. К северу от реки Гуйшуй. К югу от него — Дася; к западу — Аньси, к северу — Канцзуй. [Населяют его] кочевники, они перемещаются, следуя за скотом; обычаи такие же, как у сюнну. Лучников примерно сто — двести тысяч. В старину, будучи в силе, [юэчжи] третировали сюнну. Когда Маодунь вступил на престол, то разгромил юэчжи. Дошло до того, что сюннуский шаньюй Лаошан убил правителя юэчжи и сделал из его черепа чашу. Вначале юэчжи жили между [округом] Дуньхуан и [хребтом] Цилян. Когда [они] были разбиты сюнну, то ушли далеко. Миновав Дайюань, на западе напали на Дася и подчинили его. Затем основали крупный город к северу от реки Гуйшуй, сделав его ставкой правителя» (Сыма Цянь, 2010).

Эти исторические записи свидетельствуют о том, что приход древнего кочевого племени больших юэчжей свергло греческое владычество над Большим Ся (Бактрия). Они захватили Бактрию и установили там господство, а административным центром вначале сделали земли к северу от Амударьи — северную Бактрию.

В греко-римских источниках не говорится об этом, однако Сыма Цянь в своих «Исторических записках» рассказал о времени, месте и причине миграции на запад больших юэчжей. Эта информация была получена из сделанных записей и увиденного Чжан Цянем после первого путешествия китайцев на Запад. Чжан Цянь — китайский дипломат, посланный императором У-ди династии Хань на запад для заключения союза с племенем больших юэчжей. У них в Бактрии Чжан Цянь прожил около года. Сведения, записанные в его «Повествовании о Давани», являются личным опытом дипломата. С точки зрения подлинности и своевременности эти сведения являются более достоверными, чем исторические записи о регионе, сделанные греко-римскими учеными, такими как Страбон и Птолемей, которые никогда там не были.

В академических кругах общепризнано, что большие юэчжи завоевали территорию Бактрии и жили там, но если говорить о соотношении этносов юэчжей и кушан, то возникает много спорных моментов. В настоящее время распространенное мнение научного сообщества таково: кушаны являются одной из ветвей племени больших юэчжей, Кушанская империя была создана под их руководством. Так нам сообщает китайская хроника. Но действительно ли это так?

Важным прорывом в археологии и изучении этнокультурного соотношения больших юэчжей Бактрии и кушан будет изучение и идентификация памятников периода больших юэчжей до Кушанской империи, прояснение взаимоотношений и различий между двумя этими сменившими друг друга этнокультурными общностями. Согласно разделу «Повествование о Давани» в «Исторических записках», северные регионы Бактрии, расположенные к северу от реки Амударья, вначале были центром правления больших юэчжей; однако этот регион позже являлся областью деятельности кушан — правителей одного из княжеств Южной Бактрии. Поэтому с точки зрения археологии регионы северной Бактрии выступают ключевыми в вопросах разрешения важных исторических вопросов.

Результаты археологических исследований

С 2009 г. команда китайских археологов Северо-Западного университета (г. Сиань) в сотрудничестве с коллегами из Узбекистана и Таджикистана провела разностороннее и систематическое исследование на юго-востоке Узбекистана и юго-западе Таджикистана (Ма Цзянь и др., 2014; Жен Менг, 2014, 2015; Си Тунъюань, 2019) и в ходе работ обнаружила ряд важных памятников ранних кочевников. Узбекско-китайская совместная экспедиция с археологами из Северо-Западного университета и Института археологии Академии наук Узбекистана с 2015 по 2016 г. проводила раскопки в районе Сазаган на юго-западе Самарканда. В общей сложности на некрополе были раскопаны пять небольших погребений, один большой курган и одно поселение с каменными постройками, относящиеся к кочевым племенам периода со II в. до н.э. по I в. н.э. (Жен Менг, 2017).

Исходя из погребальных форм, обрядности и сочетания погребального инвентаря можно сказать, что открытые археологами в местности Сазаган погребения древних кочевников в совокупности с найденными на юго-западе Казахстана, на севере и в центральной части Узбекистана (в бассейнах рек Сырдарья и Зерафшан) представляют собой одну археологическую культуру. Судя по китайским хроникам, по хронологии, территории распространения и культурному сходству, они связаны с «кочевой империей» Кангюй (Рена Гули Юсуп, Си Тунъюань, Лян Юнь, 2018; Лян Юнь, Син Дунлинь, Хань Шуо, 2020; Яценко и др., 2020). Открытия в Сазагане также свидетельствуют о том, что южный край Самаркандской долины и северное подножье Западно-Тяньшаньских гор являются регионом, подвластным влиянию древнего Кангюя, а памятники больших юэчжей нужно искать в более южном регионе.

Осенью 2016 г. в ходе повторных археологических работ в бассейне р. Сурхандарья к югу от Западно-Тяньшаньских гор, проведенных узбекско-китайской командой археологов, в с. Рабат Сурхандарьинской области исследован некрополь, который был обнаружен местными жителями в ходе извлечения земли для постройки дома.

Некрополь находился примерно в 12 км к востоку от Железных Ворот. Байсунская долина упомянута в древнекитайских записках «Путешествие в Западный край во времена Великой Тан», «Путешествие в Западный край» и др. Расположенная в передней части южного подножия Западно-Тяньшаньских гор Байсунская долина имеет мягкий рельеф и обильные водные ресурсы, обладает хорошими природными условиями и всем необходимым для существования больших кочевых стоянок. На востоке она достигает среднего и верхнего течения Сурхандарьи и северного берега Амударьи на юге. Узбекские археологи совместно с французскими, германскими и российскими учеными в ходе археологических работ на линии Байсун — Железные Ворота обнаружили каменные стены и крепости, такие как Шурабсай (Рахманов, Рапен, 2003), Курганзол (Сверчков, 2008), Узундара (Двуреченская, 2018). Это, в свою очередь, лишь подтверждает факт, что регион являлся древним стратегическим центром, по крайней мере, со времен эллинистической эпохи (рис. 1.-а).

В 2017–2018 гг. узбекско-китайская команда археологов провела раскопки в некрополе №1 в Рабате и расчистила в общей сложности 94 небольших погребения (Лян Юнь и др., 2018; Тан Юньпэн и др., 2020), а также шесть погребений, которые были разрушены и не могли быть идентифицированы. Остальные погребения — подбойные и ямные (подбоев из них 59). Последние ориентированы с юга на север, с вертикальным коридором вдоль западного края, имеют вход в подбой, с грунтовой засыпкой входа. Только в подбое М64 обнаружен деревянный гроб, кости расчлененной женщины погребены в коридоре. Ямных погребений — 29. В некоторых погребениях, которые были разрушены не полностью, можно было заметить две ступеньки, и только в восьми погребениях использованы деревянные гробы.

Сочетание погребальных обрядов и инвентаря в двух типах погребений в основном одинаковое. Они представляют собой одиночные однократные погребения, покойника клали в вытянутом положении. В погребениях мужского пола инвентарь был представлен в виде коротких мечей, наконечников стрел, ножей, пряжек, блях и других предметов вооружения; также были найдены горшки, сосуды и другая керамика. В погребениях женского пола инвентарь в основном был представлен в виде золотых, серебряных, бронзовых и железных украшений (бронзовые зеркала, браслеты, кольца, серьги и заколки для волос), большим количеством украшений из бус, состоящих из стекла, фаянса, раковин, халцедона и хрусталя, а также керамикой: двуручные сосуды, бокалы, кружки и т.д. (рис. 2).

В Рабате выявлены лишь немногие погребения с довольно богатым погребальным инвентарем. В дополнение к местной керамике также было обнаружено большое количество артефактов, содержащих признаки влияния иноземных культур. Стоит отметить, например, украшения с орнаментами из многогранного стекла и фаянса в стиле изделий со средиземноморского побережья, узорчатое волнистое стекло в южно-азиатском стиле, бронзовые медальоны с изображениями животных, металлические кинжалы в стиле евразийских степей и др. Такой погребальный инвентарь указывает на феномен взаимопроникновения культур. Это было связано с тем, что бактрийский регион находился на месте пересечения различных цивилизаций, связанных с Западной Азией, Южной Азией и евразийской степью.

Согласно известным археологическим материалам о Северной Бактрии, можно сказать, что Рабат тесно связан с рядом кочевых памятников, найденных советскими археологами в Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане в 1950–1990-х гг., такими как Турлхар (Мандельштам, 1966), Аруктау (Мандельштам, 1975, с. 5–54), Коккум (Мандельштам, 1975, с. 55–63), Бешкент №4–7 (Литвинский, Зеймаль, Медведская, 1977; Медведская, 1979, 1980, 1983), Ксиров (Денисов, 1999) и другие на юго-западе Таджикистана, Бабашов (Мандельштам, 1975, с. 64–130) на юго-востоке Туркменистана и могильник Айртам (Тургунов, 1968) на юго-востоке Узбекистана.

Рис. 2. Некрополь Рабат в Байсуне (фотосъемка участка с юга на север)

Fig. 2. Rabat Cemetery in Baysun (photographing the site from south to north)

Это курганы с круглой каменной насыпью, под которой были в основном подбойные и ямные погребения. Наблюдались одиночные однократные погребения, усопшего клали в вытянутом положении на спине, погребальный инвентарь разнообразен. Рабат имеет большое сходство с вышеуказанными могильниками по форме погребений, погребальным обрядам и сочетанию погребального инвентаря. Он принадлежит к од-

ной с ними археологической культуре. В результате сравнения датировок по ^{14}C можно считать, что основной временной охват этих археологических культурных памятников, представленных в Рабате, — это II в. до н.э. — I в. н.э.

А. М. Мандельштам (1975, с. 148), К. Абдулаев (2007) и другие ученые считают, что это погребения с выраженными северно-кочевыми культурными особенностями, и их появление в больших масштабах во 2-й половине II в. до н.э., видимо, связано с вторжением кочевых племен на территорию Бактрии.

Данная точка зрения наиболее достоверна. Найденные памятники кочевых племен, относящиеся к периоду 2-й половины II в. до н.э. — 1-й половины I в. н.э., распространены в основном в предгорных и холмистых районах вокруг равнинных частей долин Северной Бактрии. Они отличаются культурной уникальностью, характерной для подбойных погребений, с одиночными однократными погребениями, в которых покойника помещали в вытянутом положении на спине.

Такие формы погребений и погребальные обряды не были обнаружены на территории Бактрии на месте более древних памятников до середины II в. до н.э., но имеют схожие черты с теми, что обнаружены на Восточном Тяньшане в Синьцзяне и относятся к периоду с V по II в. до н.э. Древние памятники исторически связаны во времени, пространстве и культурный характер связан с вторжением на запад, на территорию Бактрии, больших юэчжей, что зафиксировано в китайских источниках. Вероятно, эти памятники действительно оставлены большими юэчжами. Открытие Рабата дает нам важную информацию, которая заполняет пробелы в области знаний о культуре древней Бактрии от начала II в. до н.э. до I в. н.э.

Обсуждение материалов

В греческих источниках Бактрию называли «страной тысячи городов». На территории равнины долины Сурхандарьи, расположенной на северном берегу р. Амударья, найдено более 100 городищ периода от бронзового века до средних веков. С 1920-х гг. совместные археологические команды стран Советского Союза, а в дальнейшем России, Франции, Японии и других стран, совместно с местными археологическими учреждениями проводили крупные археологические экспедиции вокруг древних городищ, что в итоге принесло серьезные результаты.

Раскопки городищ и крепостей, таких как Халчаян (Пугаченкова, 1966), Дальверзинтепа (Пугаченкова, 1978), Старый Термез (Феррерас и др., 2014), Кампыртепа (Ртвеладзе, 2017), предоставили важную информацию для изучения развития и эволюции истории на территории равнинной долины Сурхандарьи в период от появления юэчжей до Кушанской империи. Особенно отметим Халчаян: здесь были найдены высококлассные архитектурные артефакты — дворцы и храмы с изысканными архитектурными декоративными компонентами, настенные росписи в виде статуи человека, также изображались сцены войны, охоты и царской жизни. Руководитель раскопок Халчаяна археолог Г.А. Пугаченкова считает, что древний Халчаян был основан в эллинистический период и достиг своих масштабных размеров в период ранних кушан, он служил тогда религиозным, культурным и политическим центром (Пугаченкова, 1966, с. 254–258). Таким образом, имеющиеся археологические материалы показывают, что артефакты, полученные во время раскопок в долине р. Сурхандарья, являются богатей-

шей коллекцией и подтверждают тот факт, что развитие культуры здесь имело последовательный и непрерывный характер в сравнении с другими окружающими территориями. Принято считать, что бассейн Сурхандарьи являлся основной средой обитания и деятельности больших юэчжей в Бактрии.

Поскольку предыдущие археологические работы проводились с целью изучения древних городищ, на некрополях этого периода проводилось мало раскопок — и открытий соответственно тоже было мало. На древних городищах было обнаружено и раскопано лишь малое количество наземных нишевых погребений периода от начала появления больших юэчжей до Кушанской империи, таких как в Старом Термезе (Мусакаева, 2008), Кампыртепа (Ртвеладзе, 1989), Дальверзинтепа (Пугаченкова, 1978, с. 97–114), Ялагтуштепа (Ртвеладзе, 1983).

Этот вид погребений еще называют наусами; они были распространены недалеко от древних городищ и крепостей, особенно на древнеземледельческих территориях равнинной долины; наиболее раннее из таких погребений появилось в конце II в. до н.э. и частично использовались до IV в. н.э. (Син Дунлинь, 2020, с. 45). Это наземные или немного заглубленные прямоугольные сооружения, сделанные из кирпичей, со сводчатым покрытием, могли быть однокамерными и многокамерными. Одновременно практиковались групповые погребения, повторные погребения; это привело к тому, что кости либо перемешались, либо и вовсе были потеряны.

Погребальный инвентарь представлен в виде двуручных сосудов, бокалов и другой керамики, также найдено небольшое количество монет и украшений (рис. 3). Археологи считают, что подобная форма захоронения создавалась под влиянием зороастризма (Ртвеладзе, 2001) и была одной из типичных для древнеземледельческих территорий в равнинной долине с периода ранних юэчжей до Кушанской империи. Эти захоронения показывают, что кушаны следовали своим традициям на протяжении довольно долгого времени.

Наусы на территории равнинных долин существовали одновременно с распространенными в предгорных и холмистых районах и в окрестностях равнинной долины курганными подбойными могилами и ямными погребениями. Со II в. до н.э. до 1-й половины I в. н.э. форма и сочетание гончарных изделий в основном были схожи. Анализируя синхронность и схожесть погребального инвентаря, многие ученые стали рассматривать эти два памятника как одну культуру, считая их погребениями ранних кушан. В ходе интенсивных археологических работ в бассейне Сурхандарьи мы обнаружили, что этот вывод неверен.

На территориях типичных земледельческих поселений оседлое население уже умело изготавливать и использовать керамику. Поэтому использование керамических изделий в работе по дифференциации и выявлению различных археологических культур, а также в изучении последовательного развития родственных археологических культур имеет определенные ограничения.

На древнеземледельческих территориях, от Синьцзяна до внутриконтинентальных засушливых земель Центральной Азии, равнинных долин, бассейнов и оазисов, основной моделью существования древних поселений было орошаемое земледелие. Земли, непригодные к орошению (межгорные и предгорные степные земли, холмистые районы вокруг равнинной долины и бассейнов рек), были местами обитания кочевых пле-

мен. Эти местности стали местами скрещивания культур, где отношения между земледельцами и скотоводами не имели сходства с европейской моделью разделения труда и не были похожи на бинарную систему взаимодействия юга и севера в восточно-азиатских регионах. Кочевые племена и земледельцы жили неподалеку друг от друга, их культуры переплетались, поэтому мирное существование для них было оптимальным выбором, так как кочевники в процессе обмена могли получить у земледельцев то, что не могли производить сами, — зерно, продукты производства, хозяйственную утварь. Земледельцы же, в свою очередь, могли получить у кочевников кожу, мясо, шерсть и другие продукты животноводства.

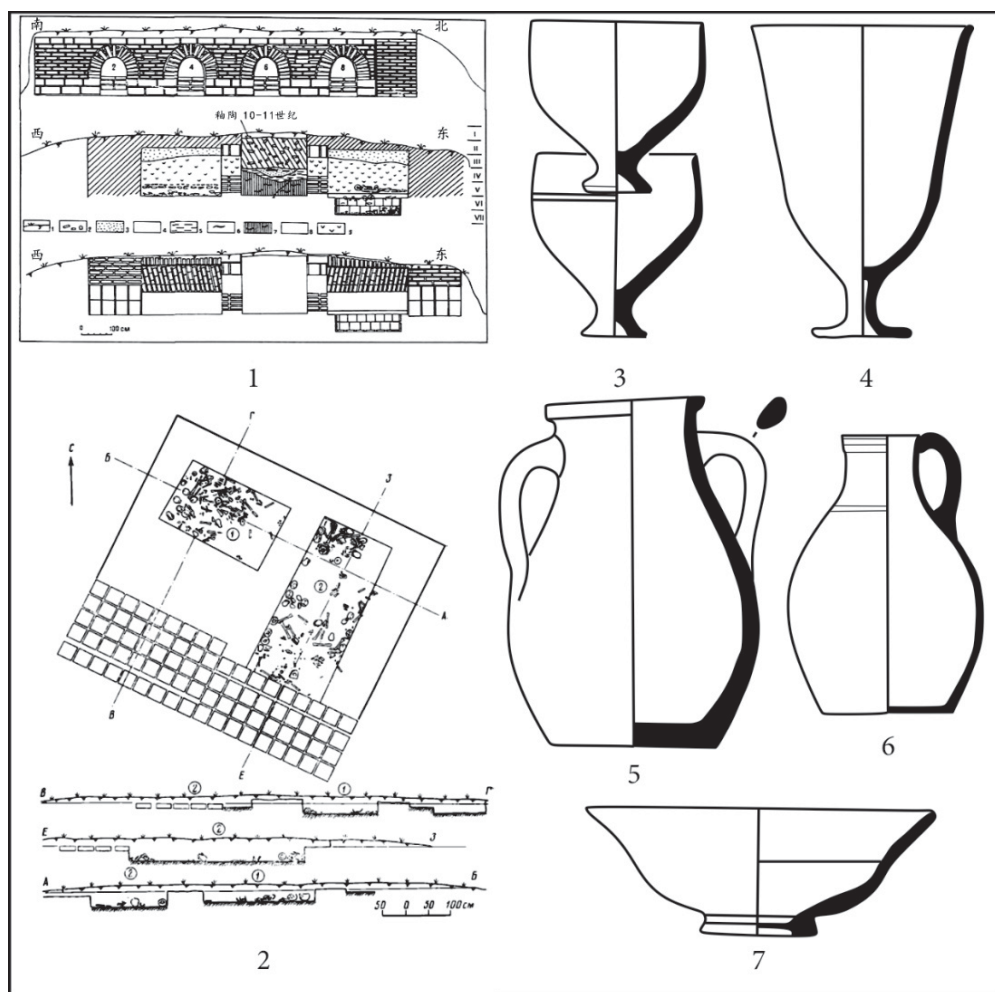

Рис. 3. Наусы и типичная керамика: 1 — №2-4-6-8 наус Дальверзинтепа; 2 — №1 наус Ялангтуштепа; 3-4 — бокалы; 5 — двуручной сосуд; 6 — горшок с одной ручкой; 7 — чаша

Fig. 3. Nausees and the typical pottery: 1 — №2-4-6-8 naus of Dalverzintepa; 2 — №1 naus of Yalangtushetepa; 3-4 — goblet; 5 — jar with two handles; 6 — single handle pot; 7 — Bowl

Кочевники в своей повседневной жизни очень редко использовали гончарные изделия так, как это умели делать земледельцы. Для них было удобнее носить с собой нехрупкие изделия из металла, кожи и дерева. Они очень редко занимались гончарным производством и из-за отсутствия технических возможностей и сырья. Поэтому использование кочевниками гончарных изделий, полученных у земледельцев, стало частым явлением; это подтверждают археологические открытия в Восточном Тяньшане (Шэнь Цзинь, 2012), Ферганской долине (Литвинский, 1973), Самарканде (Рапин, 2007).

В процессе археологического изучения зон переплетающихся культур неправильно опираться только на керамику, ее формы, их комбинацию и схожесть. Возможно, проще объединить кочевые и сельскохозяйственные памятники разных экономических форм в одну археологическую культуру, если материал это позволяет. Необходимо всестороннее изучение территории взаимодействия культур, их форм поселений, производственной структуры, форм захоронений, погребальных обрядов, сочетания погребального инвентаря и других элементов, выявление различий между памятниками культуры кочевых и древнеземледельческих групп, находящихся на одной географической площадке, их экономических форм и культурных традиций.

Северная Бактрия относится к засушливому региону: в равнинной долине реки Сурхандарья средняя температура в летний сезон достигает +28–32 °С, зимой температура достигает –1–3 °С. Безморозный период — 226–266 дней, а количество атмосферных осадков за год составляет всего 130–360 мм, которые приходятся на весну и зиму. Несмотря на климатические особенности, нецикличность периодов дождя и жары, а также недостаточное количество атмосферных осадков с бронзового века древние жители продолжали заниматься ирригационным земледелием. В предгорных и холмистых районах вокруг равнинной долины летом средняя температура достигает +20 °С, зимой — –5–0 °С, количество атмосферных осадков составляет 445–625 мм. Из-за сложностей природного рельефа ирригационным земледелием заниматься было невозможно, но были благоприятные природные условия для выращивания кормовых трав, и это место было идеальным для развития скотоводства.

Существующие археологические данные показывают, что с приходом кочевых племен во 2-й половине II в. до н.э. на территорию бассейна Сурхандарьи началось скрещивание кочевых и земледельческих культур. Равнинные долины представляют собой пригодную для развития традиционного ирригационного земледелия зону; там развивалось гончарное производство, и с учетом типов, форм и технологии изготовления гончарных изделий весь процесс представлял собой более стабильную, развитую систему.

В последние годы в Барселонском университете проводились исследования по анализу керамических изделий с эллинистического периода до кушанского периода Старого Термеза, и результаты показали: даже если в формах и в составе гончарных изделий больших юэчжей произошли какие-то незначительные изменения, с большей вероятностью это произошло в целях удовлетворения каких-то жизненных потребностей кочевников. Тем не менее гончарное производство не отклонилось от эллинистических стандартов изготовления (Мартинес Феррерас и др., 2019). Исследования выявили два ключевых момента: во-первых, с приходом больших юэчжей на территорию Северной Бактрии увеличился спрос на гончарные изделия, производимые в древне-

земледельческих районах; во-вторых, гончарные изделия древнеземледельческих племен по-прежнему создавались по традиционным стандартам изготовления, т.е. гончарные изделия, предоставленные кочевым племенам, имели аналогию с теми, что использовались в более ранних земледельческих районах.

Проанализировав памятники двух взаимодействующих культур в бассейне р. Сурхандарья, можно увидеть, что подбойные и ямные погребения распространены в основном в предгорных и холмистых районах. Это были одиночные однократные погребения с разнообразным инвентарем. Наусы, наоборот, были распространены на территории равнинных долин, погребения в них были повторными и коллективными, инвентарь бедный, предметов вооружения обнаружено не было. Эти две культуры с точки зрения территории распространения, форм захоронений, погребальных обрядов и сочетания погребального инвентаря отображают экономическую форму и культурные традиции, поэтому различия этих культур все-таки были. Суммируя существующие археологические и исторические данные, можно сказать, что погребения, представленные в некрополе Рабат, скорее всего, принадлежат кочевым племенам больших юэчжей; наусы же принадлежат занимающимся ирригационным земледелием общинам Кушанской империи. Эти две культуры существовали параллельно, были тесно связаны между собой и вместе с тем являлись разными археологическими культурами.

Согласно уже известным историческим и археологическим материалам состав населения равнинной долины Древней Бактрии был смешанным, по крайней мере там были бактрийские аборигены, индийские переселенцы, потомки персов, греков и др. Среди раскопанных объектов на местах обитания юэчжей до Кушанской империи, представляющих зороастрийские верования, было обнаружено большое количество артефактов, отражающих греческую и индийскую религии. Очевидно, что наусы не могли быть единственной формой погребения в этот период. Но почему же за последние столетия во время археологических работ в бассейне р. Сурхандарья не было обнаружено некрополей периода ранних юэчжей и Кушанской империи с другими видами погребений?

В археологических материалах Бактрии, кроме найденных и раскопанных некрополей вблизи памятников эпохи бронзового века, погребения периода раннего железа, Персидской империи и периода эллинизации встречаются редко. Даже в период ранних юэчжей и Кушанской империи, когда градостроительство было развито и население стремительно росло, было найдено лишь небольшое количество наусов.

В процессе общения мы узнали, что такое малое количество погребений после бронзового века или их отсутствие объяснялось тем, что после VII в. до н.э. на территории Бактрии начал свое распространение зороастризм, и принято считать, что люди использовали обряд захоронения под открытым небом, трупосожжение и другие виды обрядов. Это привело к тому, что захоронения и останки костей почти не сохраняются, их было сложно обнаружить. После проведения археологических работ в бассейне Сурхандарьи у нас появилась новая информация о причинах отсутствия погребений после бронзового века и о площади их распространения.

Судя по нынешним археологическим открытиям, количество могильников бронзового века в этой области невелико. Памятники бронзового века Сапаллитепе, Джарку-

тан, Бустон были распространены вблизи предгорных и аллювиальных отложений рек Амударья и Сурхандарья, и люди древнеземледельческих поселений этого периода использовали воды аллювиальных отложений для развития ирригационного земледелия и сельскохозяйственного производства (Миллер, 1999). Население в тот период было маленьким, нехватки сельскохозяйственных угодий не было, поэтому некрополи можно легко обнаружить, так как они находились вблизи останков поселений того же периода.

С наступлением железного века и ростом населения люди начали занимать территории равнинных долин, которые не орошались естественным путем, и они усовершенствовали ирригационную систему, начали строительство оросительных сооружений, словом — развивали ирригационное земледелие; темпы роста населения ускорились с миграцией иноземцев, население увеличилось еще больше. И наоборот, площадь орошаемых земель сельскохозяйственных угодий была ограничена, в условиях технических возможностей того времени возможности их расширить не было.

В таких условиях, если бы в древности на пахотных землях древних городищ снова совершались бы погребальные захоронения, это лишь усугубило бы ситуацию с нехваткой пахотных земель. Кроме того, один из древних способов орошения — это поверхностное орошение, и оно привело к тому, что земли стали непригодными для погребений. На холмах на территории возвышений среди равнинных долин (включая естественные курганы и заброшенные руины городов) найдено небольшое количество погребений, обнаружить их больше остается для нас сложной задачей. Объективно говоря, предыдущие археологические работы на этой территории в основном были сосредоточены на изучении районов древних городищ, что сформулировало научную традицию «важности городищ и недооценки погребений».

Итак, где же находятся древние погребения бассейна реки Сурхандарья с начала железного века до Кушанской империи? По нашим наблюдениям, некрополи современных земледельческих общин распространены в основном вблизи незанятых сельскохозяйственных территорий, на двухступенчатых и трехступенчатых террасовых полях, равно как и поселения живущих на этой же территории древних племен. Скорее всего, в целях сохранности площади пахотных земель это был неизбежный выбор древнеземледельческих племен в засушливых районах; существовало общее правило для этих племен и их современников выбора данной территории местом своих могильников. Поэтому на местах древних поселений могут быть некрополи взаимодействующих культур. Отличие лишь в том, что эти захоронения не распространялись вблизи ирригационных земель, их следует искать на территории террасовых полей, там, где земли не орошались. На основе наших наблюдений и анализа мы решили провести региональное археологическое изучение долины с террасными полями по обе стороны разлива верхнего течения р. Сурхандарья, где в прошлом было проведено очень мало исследований. На равнине в верховьях Сурхандарьи расположены крупные древние городища периода от ранних юэчжей до Кушанского царства, такие как Халчаян и Дальверзинтепа. Здесь были проведены систематические археологические работы, в ходе которых эти места были определены основной средой обитания ранних юэчжей. Недалеко от древних городищ были расположены двухступенчатые и трехступенчатые террасные поля; поздняя производственная деятельность не изменила основного облика земли,

что позволило некрополям сохраниться. С 2018 по 2019 г. узбекско-китайская команда археологов в ходе исследований в верховьях р. Сурхандарья обнаружила и подтвердила крупный общинный некрополь Серхаракат периода до Кушанской империи (рис. 4).

Рис. 4. Некрополь Серхаракат в Узуне

Fig. 4. Serharakat Necropolis in Uzun

Некрополь расположен в пос. Серхаракат (г. Узун Сурхандарьинской области) на трехступенчатом террасном поле восточного берега р. Сурхандарья, всего в 2 км от знаменитого городища Халчаян. Проведенная геологическая разведка подтвердила, что некрополь занимает площадь около 50 тыс. кв. м, и на сегодняшний день он является самым крупным древним некрополем бронзового века, обнаруженным в бассейне Сурхандарьи. Весной 2019 г. на некрополе были проведены масштабные археологические работы: всего было расчищено 38 погребений и 15 зольных ям. Данные раскопок показывают, что некрополь имеет широкие хронологические рамки, которые включают и памятники бронзового века, Средневековья, но в основном это были погребения раннекушан и Кушанского царства. Среди них 15 подбойных могил, четыре катакомбных погребения и шесть наусов.

Подбойные могилы были ориентированы с юга на север, с вертикальным коридором вдоль западного края, входом в подбой. Это одиночные однократные погребения, усопшего клали в вытянутом положении на спине, засыпка входа в подбой грунтовой. В погребениях мужского пола почти весь инвентарь связан с извечными мужскими занятиями, среди них — короткий кинжал с «сердцевидным» наконечником, ножи, пряжки и другие железные предметы вооружения и экипировки. В женских погребениях найдена керамика: одноручные сосуды, чаши и горшки, а также украшения — медные браслеты, серьги (в т.ч. золотые), колокольчики, а также бусы из стекла, фаянса, агата, горного хрусталя и др. Эти погребения схожи с найденными на Рабатском некрополе могилами кочевых племен. Но по сравнению с кочевыми погребениями инвентарь здесь небогатый, формы керамики малочисленны и не обнаружено следов их использования; они обладают характеристиками сугубо погребального инвентаря. Такие погребения, возможно, принадлежат юэчжийским кочевым племенам, которые проникли на древнеземледельческие территории, но мы не исключаем и вероятности влияния кочевой культуры на древнеземледельческую.

У катакомбных погребений форма и структура особые, они значительно отличаются от ранее обнаруженных в Средней Азии катакомбных могил. Камеры делали в конце коридоров, проходы строились по длинной оси, в основном туда помещали одного погребенного либо это были коллективные погребения; клали их в вытянутом положении на спине, форма катакомбы напоминала собой китайский иероглиф «冂».

В одиночных камерах кости верхней части тела погребенного были частично потревожены грабителями, кости черепа разбиты и разбросаны по разрушенному коридору и яме. В парных захоронениях кости верхней части тела погребенного в нижнем слое также были потревожены грабителями, а кости погребенного в верхнем слое сохранили свою целостность. Инвентарь представлен в виде нескольких железных изделий, бус и костей животных из жертвенной пищи. Заметим, что в Гиссарском некрополе на территории нынешнего Таджикистана выявлено большое количество схожих погребений. Согласно известным артефактам (подражание оболам Евкратиды) эти погребения можно датировать II–IV вв. н.э. (Абдуллаев, 1975).

Некрополь Серхаракат хоть и не был раскопан полностью, но проведенные раскопки периода от ранних юэчжей до Кушанского царства уже показали нам, что погребения и погребальные обряды тогда были многообразными, для изучения локализации, культурных особенностей и межплеменных отношений этого периода он предоставил важные материалы.

Могилы, найденные в этом некрополе, также подтверждают, что племена, живущие на территории равнинных долин, преимущественно выбирали местом своих погребений зону террасовых полей — непригодные к орошению земли, в непосредственной близости от древних городищ. Кроме того, два вида катакомбных погребений стали первыми видами обнаруженных могил. Форма, структура и погребальные обряды значительно отличались от уже известных нам наусных погребений.

На площади некрополя были обнаружены многообразные по структуре подбойные и катакомбные могилы, судя по погребальным обрядам — это одиночные однократные погребения, парные вторичные погребения с предшествующим разрушением, а также

парные однократные погребения с разрушениями, проводимыми одновременно. Эти открытия отображают историю существования различных племен, историю многообразия культуры на территории равнинных долин в период ранних юэчжей и период Кушанской империи, сформировав резкий контраст с погребениями и погребальными обрядами однообразной культуры того же периода на месте некрополя Рабат.

Обнаружение Серхараката и проведение раскопок здесь заполнило пробелы в обнаруженных ранее крупных некрополях раннекушанского (раннеюэчжийского) периода до Кушанской империи на территории равнинной долины реки Сурхандарья, обогатило археологические данные об этом периоде. Некрополь широко использовали в раннекушанское время ранних юэчжей, что совпало с периодом расширения территории древнего городища Халчаян, и поэтому с высокой вероятностью это были общинные некрополи одного времени.

Серхаракат — не единичный памятник: в непосредственной близости от древнего городища, видимо, есть и другие некрополи этого периода. Поиск памятников и проведение сравнительного анализа смогут помочь нам глубже понять особенности характеристик периода юэчжей-кушан, расширить наше понимание о локализации поселений, их структуры и т.д.

Продолжение работ

Зимой 2019 г. узбекско-китайская команда археологов продолжила планомерные исследования вдоль восточного берега верхнего течения р. Сурхандарья, в результате были обнаружены или дополнительно обследованы памятники периода юэчжей-кушан: Кургантепа, Чинартепа (обнаружены впервые), Тишктепа, Караилтепа и другие поселения (рис. 1.-Б).

Чинартепа — небольшое городище на восточном берегу р. Сурхандарья, центр его представляет собой приподнятую плоскость, а вершина состоит из двух прямоугольных оснований. Северная сторона основания немного больше, около 15 м в высоту и 100 м в длину с севера на юг, более 60 м в ширину с востока на запад. Южная же сторона основания меньше — около 10 м в высоту, 60 м в длину с востока на запад и около 50 м в ширину с севера на юг.

На восточной и южной сторонах возвышения недалеко от центрального городища был обнаружен фундамент постройки. Предварительно вся площадь участка составляла около 100 тыс. кв. м. На территории руин была собрана коллекция монет: одна Сотера Мегаса (безымянный царь), две Вимы Кадфиза и одна Хувишки. Также было выявлено большое количество бокалов, двуручных сосудов и горшков — типичных образцов гончарных изделий времен ранних юэчжей до Кушанской империи: кубки, амфоры, гончарные чаши и др. (рис. 5). Вместе с тем в результате флотации собранных образцов почвы были обнаружены карбонизированные семена риса и виноградные косточки; их датировка методом спектрографического анализа составила 45 г. до н.э. — 85 г. н.э. (95,4%) и 85 г. до н.э. — 75 г. н.э. (95,4%) соответственно.

Немаловажно и то, что на южной и северной сторонах возвышенности были обнаружены два некрополя; в южном выявлено уже более 40 погребений, а в северном раскопано пока только одно. От этого некрополя сохранилось лишь дно камеры, стены выложены сырцовым кирпичом, кости перемешаны, обнаружены также кусочки изделий

гончарного обжига и небольшое количество украшений из стеклянных бус. Экспертиза показала, что в погребении было захоронено по меньшей мере четверо умерших; кости деформировались, что свидетельствует о повторном погребении. Судя по форме погребения и погребальному обряду, место захоронения представляет собой разрушенное наземно-нишевое погребение кушанского типа. По датировке образцов человеческих костей, собранных из этих погребений, это было примерно с 20 г. до н.э. до 130 г. н.э. (95,4%). Исследования показали, что кроме наземно-нишевых погребений на этих двух некрополях существовали также катакомбные и вертикально ямные погребения.

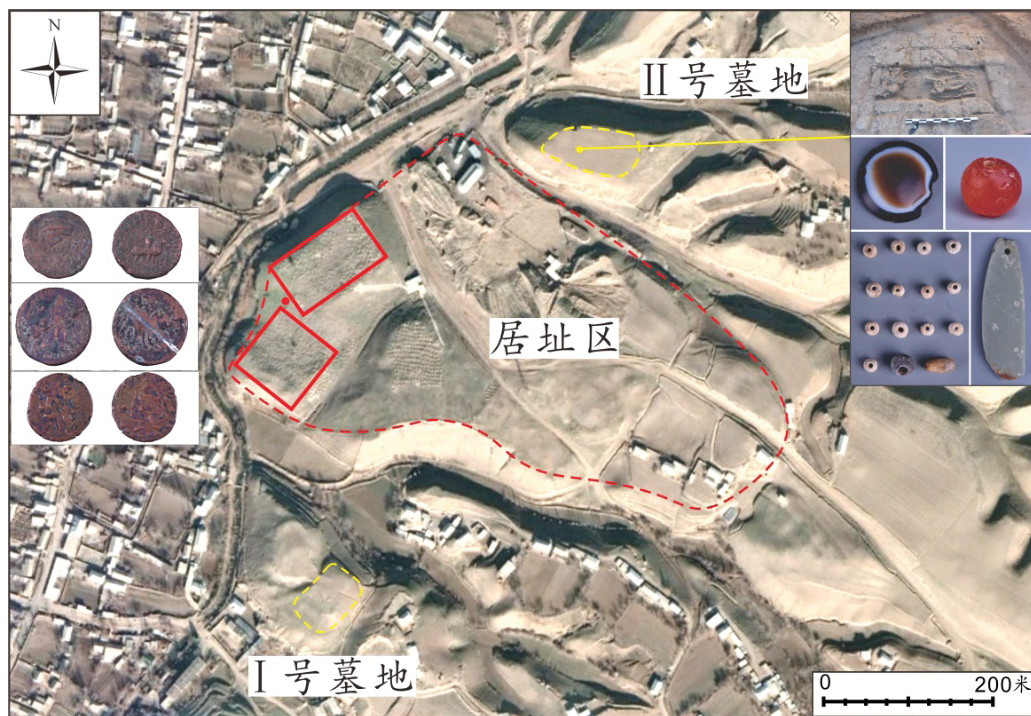

Рис. 5. Чинартепа

Fig. 5. Chinartepa

Впервые за всю историю археологии Бактрии раннекушанского доимперского периода одновременно обнаружены разнотипные погребения на городище Чинартепа, что было неожиданно. Такие открытия предоставляют более полные археологические данные для изучения особенностей кушанских погребений, взаимодействия и многообразного культурного облика.

Кроме того, древние городища, представленные двумя и тремя ярусами конструкции, как Чинартепа, существенно отличаются от древних городищ в равнинной долине того же периода. Вновь обнаруженные городища имеют небольшие размеры, они размещены в виде цепочки по краю террасных полей, расстояние между ними составляет 3–4 км. Эти городища возводились на ступенях террасных полей и восходили к воз-

вышенностям, забравшись на которые, можно увидеть обширное пространство равнины. Возможно, изначально они были возведены и использованы в качестве элементов оборонительной стены, а затем прогрессировали в небольшие поселения. Поскольку городище находилось на возвышенности, не было возможности отвода речных вод, поэтому ирригационное земледелие здесь отсутствовало. Для сравнения, городища, расположенные на территории равнинной долины, наоборот, были больше по размерам, вокруг были пахотные земли, и поэтому здесь развивалось ирригационное земледелие, а поблизости не было пригодных для погребений мест. Вот почему на территории равнины практически невозможно обнаружить крупные курганы одного времени.

Заключение

Согласно новым археологическим данным, имеющимся в настоящее время, в сочетании с китайскими и греко-римскими сочинениями и документацией об археологических находках, можно считать, что со 2-й половины II в. до н.э. по 1-ю половину I в. н.э. кочевые памятники, представленные некрополем Рабат, расположенные в предгорных холмистых зонах вокруг равнинной части Северной Бактрии, с точки зрения особенностей их локализации, хронологии и культурных особенностей полностью соответствуют истории проникновения юэчжей в западные регионы Бактрии, описанной в древнекитайских хрониках, поэтому мы можем смело говорить, что эти памятники принадлежат большим юэчжам.

Земледельческие поселения, представленные Халчаяном, Дальверзинтепа и Старым Термезом, хотя и имели тесные связи и взаимовлияние с кочевыми культурами, но все же представляли разные общинные группы с совершенно разными экономическими формами и культурными традициями. В результате раскопок были получены показательные артефакты, такие как монеты ранних кушан, которые в плане экономики, культуры и политики унаследовали греко-бактрийскую традицию. Поэтому принято считать, что эти памятники представляют собой археологическую культуру раннекушанского периода, которая создавалась под властью больших юэчжей. Часть населения Бактрии — потомки греко-бактрийского царства и не являются частью племен юэчжей. В последующем Кушанская империя продолжила культурные традиции ранних кушан, но не культуру больших юэчжей. Именно кушаны из Южной Бактрии, а не северные большие юэчжи основали Кушанскую империю.

Академические круги Европы, Америки, России, Японии и других стран на протяжении многих лет активно занимаются археологией Шелкового пути, в процессе работ накопили большое количество исследовательских материалов и проводили плодотворные академические дискуссии в области археологии Шелкового пути. Однако в западных академических кругах об археологических исследованиях Центральной Азии, ключевого участка древнего Шелкового пути, в основном придерживаются традиционной европейской точки зрения и делают акцент на историю влияния древней Персии, Греции и Скифии на Среднюю Азию. Совместная узбекско-китайская команда археологов Северо-Западного университета и Института археологии Академии наук Узбекистана с точки зрения Востока отправной точкой археологических исследований Шелкового пути выбрала изучение древней культуры больших юэчжей, бросая вызов некоторым стереотипам международного академического сообщества. В настоящее вре-

мя археологические работы в бассейне реки Сурхандарья совершили прорыв и заложили основу нового понимания данного вопроса. Широко используются данные междисциплинарных методов и современной техники, создающие новые возможности исследований, которые могут стать общепризнанными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдуллаев А. Отчет о раскопках погребений в Гиссаре (август — сентябрь 1971 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XI. Душанбе : Дониш, 1975. С. 49–58.

Абдуллаев К. Миграция кочевников в Центральной Азии // После Александра. Средняя Азия до ислама / под ред. Джо Крибба и Джорджины Херрманн. Оксфорд : Изд-во Оксфордского ун-та, 2007. С. 73–98.

Аскарров А. А. Сапаллитепа. Ташкент : Фан, 1973. 172 с.

Двуреченская Н. Д. К методике полевых исследований в горной местности (на примере эллинистической крепости Узундара) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 251. М. : ИА РАН, 2018. С. 168–180.

Денисов Е. П. Могильник Ксиров в контексте погребальных памятников кочевников Северной Бактрии — Тохаристана. Ставрополь : Б.и., 1999. 127 с.

Еноки К., Кошеленко Г. А., Хайдари З. Юэжи и их миграции // Харматта Дж., Пури Б. Н., Этемади Г. Ф. Развитие оседлых и кочевых цивилизаций в Средней Азии: 700 г. до н.э. — 250 г. н.э. Париж : Изд-во ЮНЕСКО, 1994. С. 179–183.

Жен Менг. Археологическое исследование от энеолита до эллинистических памятников в Узбекистане и Таджикистане // Культурное наследие. 2014. №7. С. 54–67.

Жен Менг. Археологическое исследование от раннекушанской до позднекушанской эпохи в Таджикистане и Узбекистане // Культурное наследие. 2015. №6. С. 17–33.

Жен Менг. Доклад об археологических работах в Сазагане в Самарканде в 2015 году // Западная археология. Вып. 12. Пекин : Наука, 2017. С. 1–28.

Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов) // Индия в древности. М. : Наука, 1964. С. 143–165.

Литвинский Б. А. Керамика из могильников западной Ферганы. М. : Наука, 1973. 260 с.

Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XII. Душанбе : Дониш, 1977. С. 76–104.

Лян Юнь, Ли Вэйвэй, Пей Цзяньлун и др. Краткий отчет о раскопках в Рабатском некрополе в Байсуне, Узбекистане (2017 г.) // Культурное наследие. 2018. №7. С. 4–30.

Лян Юнь, Син Дунлинь, Хань Шуо. Краткий отчет M11-2 о Сазаганских раскопках // Археология и Культурное наследие. 2020. №3. С. 27–36.

Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М. : Наука, 1966. 230 с. (МИА СССР; №136).

Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в северной Бактрии. Л. : Наука, 1975. 212 с.

Мартинес Феррерас В., Ангуракис А., Хайн А. и др. Оценка эллинистических и кочевых культурных образцов через керамику в древнем Термезе, Узбекистан // *Геоархеология*. 2019. №34(5). С. 540–564.

Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л. : Наука, 1959. 215 с. (МИА СССР. Вып. 73).

Ма Цзянь, Ван Цзяньсинь, Цен Эдон и др. Краткий отчет за 2014 год об археологической экспедиции в южном округе Самаркандской котловины, Узбекистан // *Западная археология*. Вып. 8. Пекин : Наука, 2014. С. 1–32.

Медведская И. Н. Раскопки Шаартузе в 1974 г. // *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. XIV. Душанбе : Дониш, 1979. С. 110–122.

Медведская И. Н. Раскопки Шаартузе в 1975 г. // *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. XV. Душанбе : Дониш, 1980. С. 110–119.

Медведская И. Н. Раскопки Шаартузского отряда в 1977 году // *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. XVII. Душанбе : Дониш, 1983. С. 120–130.

Миллер Н. Ф. Развитие земледелия в западной части Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // *История растительности и археоботаника*. 1999. №8(1–2). С. 13–19.

Мусакаева А. А. Из истории погребальной обрядности кушанской Бактрии: наусы Старого Термеза // *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 36. Ташкент : Фан, 2008. С. 149–156.

Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент : Фан, 1966. 285 с.

Пугаченкова Г. А. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент : Фан, 1978. 237 с.

Рапин С. Кочевники и формирование Центральной Азии (от раннего железного века до кушанского периода) // *После Александра. Средняя Азия до ислама* / под ред. Джо Крибба и Джорджины Херрманн. Оксфорд : Изд-во Оксфордского университета, 2007. С. 29–72.

Рахманов Ш., Рапен К. Железные ворота // *Труды Байсунской научной экспедиции*. Вып. I. Ташкент : San'at, 2003. С. 22–32.

Рена Гули Юсуп, Си Тунъюань, Лян Юнь. Краткий отчет М11 о Сазаганских раскопках // *Культурное наследие*. 2018. №7. С. 31–41.

Ртвеладзе Э. В. Могильник кушанского времени в Ялангтуш-тепе // *Советская археология*. 1983. №2. С. 125–143.

Ртвеладзе Э. В. Культовые и погребальные памятники кушанского времени из Кампыр-тепе // *Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизации древнего и средневекового Востока*. М. : ГРВЛ, 1989. С. 209–250.

Ртвеладзе Э. В. Погребально-культовые сооружения Кампыртепа // *Материалы Тохаристанской экспедиции*. Вып. II. Ташкент : San'at, 2001. С. 65–94.

Ртвеладзе Э. В. Кампыртепа — Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н.э. — I в. до н.э.). Ташкент : San'at, 2017. 148 с.

Сверчков Л. Крепость Курганзол (к истории Средней Азии в эллинистическую эпоху) // *Древние цивилизации от Скифии до Сибири*. 2008. №14(1–2). Рр. 123–191.

Си Тунъюань. Археологическое исследование памятников согдийского периода в Узбекистане и Таджикистане // Культурное наследие. 2019. №1. С. 44–66.

Син Дунлинь. Предварительные исследования погребений кушанского периода в Северной Бактрии. Сиань : Северо-Западный университет, 2020.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи): Т. 9. М. : Вост. Лит., 2010. 623 с.

Тан Юньпэн, Ли Вэйвэй, Лян Юнь и др. Краткий отчет о раскопках в Рабатском некрополе в Байсуне, Узбекистан (2018 г.) // Археология. 2020. №12. С. 53–80.

Тургунов Б. А. Айртамский могильник // Общественные науки в Узбекистане. 1968. №8. С. 50–53.

Феррерас В. М., Гил Э. А., Эспаррагера Дж. М. Г. и др. Ограждение Чингиз-Тепе (Древний Термез, Узбекистан) в кушанский и кушано-сасанидский периоды. Анализ археологической стратиграфии и датировки ¹⁴C // *Iranica Antiqua*. Т. 49. Лувен : Peeters Publishers, 2014. С. 413–469.

Шэнь Цзинь. Исследование руин бронзового и раннежелезного веков Восточно-Тяньшаньского региона по технологиям гончарного производства и месторождений. Сиань : Северо-Западный университет, 2012.

Яценко С. А., Авизова А. К., Торгоев А. И., Саипов А., Кулиш А. В., Китов Е. П., Рожинский А. Е., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Торежанова Н. Ж., Тур С. С., Иванов С. С. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент : Элэм, 2020. 216 с.

REFERENCES

Abdullaev A. Report on the Excavations of Burials in Gissar (August — September 1971). *Archaeological Work in Tajikistan*. Vol. XI. Dushanbe : Donish, 1975. Pp. 49–58. (*In Russ.*)

Abdullaev K. Nomad Migration in Central Asia. In: *After Alexander. Central Asia before Islam* / Joe Cribb & Georgina Herrmann eds. Oxford : Izd-vo Oksfordskogo un-ta, 2007. Pp. 73–98.

Askarov A. A. Sapallitepa. Tashkent : Fan, 1973. 172 p. (*In Russ.*)

Dvurechenskaya N. D. To the Methodology of Field Research in Mountainous Areas (on the example of the Hellenistic fortress of Uzundara). In: *Brief Reports of the Institute of Archaeology*. Vol. 251. Moscow : IA RAN, 2018. Pp. 168–180. (*In Russ.*)

Denisov E. P. The Burial Ground of Ksirov in the Context of the Burial Sites of the Nomads of Northern Bactria — Tokharistan. Stavropol : B.i., 1999. 127 p. (*In Russ.*)

Enoki K., Koshelenko G. A., Haidary Z. The Yüeh-Chih and their Migrations. In: Har-matta J., Puri B. N., Etemadi G. F. *History of Civilizations of Central Asia: The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B. C. to A. D. 250*. Paris : Izd-vo YuNESKO, 1994. Pp. 179–183.

Reng Meng. Archaeological Survey from the Eneolithic to the Hellenistic Sites in Uzbekistan and Tajikistan. *Wen wu = Cultural relic*. 2014;7:54–67. (*In Chinese.*)

Reng Meng. The Archaeological Survey from the Pre-Kushan to Post-Kushan Era in Tajikistan and Uzbekistan. *Wen wu = Cultural relic*. 2015;6:17–33. (*In Chinese.*)

Reng Meng. Report on Archaeological Work in Sazagan in Samarkand, 2015. In: *Western Archaeology*. Vol. 12. Beijing : Nauka, 2017. Pp. 1–28. (*In Chinese.*)

Litvinsky B. A. Tajikistan and India (examples of ancient connections and contacts). In: *India in Antiquity*. Moscow : Nauka, 1964. Pp. 143–165. (*In Russ.*)

Litvinsky B. A. Ceramics from the Burial Grounds of Western Ferghana. Moscow : Nauka, 1973. 260 p. (*In Russ.*)

Litvinsky B. A., Zeimal T. I., Medvedskaya I. N. Report on the Work of the South Tajikistan Archaeological Expedition in 1973. In: *Archaeological Work in Tajikistan*. Vol. XII. Dushanbe : Donish, 1977. Pp. 76–104. (*In Russ.*)

Liang Yun, Li Weiwei, Pei Jianlong et al. Preliminary Report of Excavations at the Rabat Necropolis in Boysun, Uzbekistan (2017). *Wen wu = Cultural relic*. 2018;7:4–30. (*In Chinese.*)

Liang Yun, Xing Donglin, Han Shuo. Preliminary Report M11-2 on the Sazagan Excavations. *Kao gu yu wen wu = Archaeology and Cultural relic*. 2020;3:27–36. (*In Chinese.*)

Mandelstam A. M. Nomads on the Way to India. Moscow : Nauka, 1966. 230 p. (MIA USSR. Vol. 136). (*In Russ.*)

Mandelstam A. M. The Sites of Nomads of the Kushan Period in Northern Bactria. Leningrad : Nauka, 1975. 212 p. (*In Russ.*)

Martínez Ferreras V., Angourakis A., Hein A. et al. Assessing Hellenistic to Nomadic Cultural Patterns through Pottery in Ancient Termez, Uzbekistan. *Geoarcheologia = Geoarchaeology*. 2019;34(5):540–564.

Masson V. M. Ancient Agricultural Culture of Margiana. Moscow; Leningrad : Nauka, 1959. 215 p. (MIA USSR. Vol. 73). (*In Russ.*)

Ma Jian, Wang Jianxin, Tsen Edon et al. Brief Report for 2014 on the Archaeological Expedition in the Southern District of the Samarkand Basin, Uzbekistan. In: *Western Archaeology*. Vol. 8. Beijing : Nauka, 2014. Pp. 1–32. (*In Chinese.*)

Medvedskaya I. N. Excavations of Shaartuz in 1974. In: *Archaeological Work in Tajikistan*. Vol. XV. Dushanbe : Donish, 1979. Pp. 110–122. (*In Russ.*)

Medvedskaya I. N. Excavations of Shaartuz in 1975. In: *Archaeological work in Tajikistan*. Vol. XV. Dushanbe : Izd-vo Donish, 1980. Pp. 110–119. (*In Russ.*)

Medvedskaya I. N. Excavations of the Shaartuz Detachment in 1977. In: *Archaeological work in Tajikistan*. Vol. XVII. Dushanbe : Donish, 1983. Pp. 120–130. (*In Russ.*)

Miller N. F. Agricultural Development in Western Central Asia in the Chalcolithic and Bronze Ages. *Istoriya rastitel'nosti i arheobotanika = Vegetation History and Archaeobotany*. 1999;8(1–2):13–19. (*In Russ.*)

Musakaeva A. A. From the History of the Funeral Rites of the Kushan Bactria: the Nausaes of Old Termez. In: *History of Material Culture of Uzbekistan*. Vol. 36. Tashkent : Fan, 2008. Pp. 149–156. (*In Russ.*)

Pugachenkova G. A. Khalchayan. Tashkent : Fan, 1966. 285 p. (*In Russ.*)

Pugachenkova G. A. Dalverzintepe — a Kushan City in the South of Uzbekistan. Tashkent : Fan, 1978. 237 p. (*In Russ.*)

Rapin C. Nomads and the Shaping of Central Asia (from the Early Iron Age to the Kushan Period). In: *After Alexander. Central Asia before Islam / Joe Cribb & Georgina Herrmann* (eds.) Oxford : Izd-vo Oksfordskogo un-ta, 2007. Pp. 29–72.

Rakhmanov Sh., Rapen K. Iron Gates. In: *Proceedings of the Baysun Scientific Expedition*. Vol. I. Tashkent : San'at, 2003. Pp. 22–32. (*In Russ.*)

Rena Guli Yusup, Xi Tongyuan, Liang Yun. Preliminary Report M11 on the Sazagan Excavations. *Wen wu = Cultural Relic*. 2018;7:31–41. (In Chinese.)

Rtveladze E. V. Burial Ground of the Kushan Time in Yalangtush-tepe. *Sovetskaya Arheologiya = Archaeology*. 1983;2:125–143. (In Russ.)

Rtveladze E. V. Cult and Funerary of the Kushan Time from Kampyr-tepe. In: Scientific Notes of the Commission for the Study of Monuments of Civilization of the Ancient and Medieval East. Moscow : GRVL, 1989. Pp. 209–250. (In Russ.)

Rtveladze E. V. Burial and Religious Buildings of Kampyrtepa. In: Materials of the Tokharistan Expedition. Vol. II. Tashkent : San'at, 2001. Pp. 65–94. (In Russ.)

Rtveladze E. V. Kampyrtepa — Alexandria Oxian: a Fortress City on the Banks of the Oxus in the Hellenistic and Post-Hellenistic times (late 4th century BC — 1st century BC). Tashkent : San'at, 2017. 148 p. (In Russ.)

Sverchkov L. The Kurganzol Fortress (on the History of Central Asia in the Hellenistic Era). *Drevnie civilizacii ot Skifii do Sibiri = Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2008;14(1–2):123–191.

Xi Tongyuan. Archaeological Study of Sites of the Sogdian Period in Uzbekistan and Tajikistan. *Wen wu = Cultural Relic*. 2019;1:44–66. (In Chinese.)

Xing Donglin. Preliminary Studies of Burials of the Kushan Period in Northern Bactria. Xi'an : Severo-Zapadnyj universitet, 2020. (In Chinese.)

Sima Qian. Historical Notes (Shi Ji): T. 9. Moscow : Vost. Lit., 2010. 623 p. (In Russ.)

Tang Yunpeng, Li W Weiwei, Liang Yun et al. Preliminary Report of Excavations at the Rabat Necropolis in Baysun, Uzbekistan (2018). *Kao gu = Archaeology*. 2020;12:53–80. (In Chinese.)

Turgunov B. A. Airtam Burial Ground. *Obshchestvennyye nauki v Uzbekistane = Social Sciences in Uzbekistan*. 1968;8:50–53. (In Russ.)

Ferreras V. M., Gil E. A., Esparraguera J. M. G., et al. The Enclosure of Tchingiz-Tepe (Ancient Termez, Uzbekistan) during the Kushan and Kushan-Sassanian Periods. Archaeological Stratigraphy and ¹⁴C Dating Analyses. In: *Iranica Antiqua*. Vol. 49. Leuven : Peeters. Publishers, 2014. Pp. 413–469.

Shen Jingyi. Investigation of Bronze Age and Early Iron Age Ruins of the East Tien Shan Region by Pottery Technology and Deposits, Xi'an : Severo-Zapadnyj universitet, 2012. (In Chinese.)

Yatsenko S. A., Avizova A. K., Torgoev A. I., Saipov A., Kulish A. V., Kitov E. P., Rogozhinskii A. E., Smagulov E. A., Erzhigitova A. A., Torezhenova N. Zh., Tur S. S., Ivanov S. S. Archaeology and History of Kangju State. Shymkent : Ælem, 2020. 216 p. (In Russ.)

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тан Юнпэн, PhD, Школа культурного наследия, Северо-Западный университет, Сиань, Китай.

Yunpeng Tang, PhD, School of Cultural Heritage, Northwestern University, Xi'an, China.

Бердимуратов Амридин Эргашович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Академии наук Узбекистана, Самарканд, Узбекистан.

Amridin Ergashovich Berdimuradov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, Uzbekistan Academy of Sciences, Samarkand, Uzbekistan.

Хасанов Мутталиб, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Академии наук Узбекистана, Самарканд, Узбекистан.

Muttalib Khasanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology, Uzbekistan Academy of Sciences, Samarkand, Uzbekistan.

Ван Цзяньсинь, профессор Школы культурного наследия Северо-Западного университета, Сиань, Китай.

Jianxin Wang, Professor, School of Cultural Heritage, Northwestern University, Xi'an, China.

*Статья поступила в редакцию 19.07.2022;
одобрена после рецензирования 14.11.2022;
принята к публикации 02.11.2022.
The article was submitted 19.07.2022;
approved after reviewing 14.11.2022;
accepted for publication 02.11.2022.*